

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

И. Ю. НИКОЛАЕВА

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ «СМЕНЫ ВЕХ»

В статье рассматриваются возможности диалога истории и литературы в свете парадигмальных методологических изменений, происходящих в пространстве современного гуманитарного знания. Показываются ресурсы литературы как исторического источника в фокусе новых методологических ориентиров истории как науки.

Ключевые слова: *история, литература, полидисциплинарный синтез, ментальность, идентичность, ценностные ориентации, смех, язык.*

Как известно, поначалу Клио была общей музой литературы и истории. Но по мере того как историческое знание обретало профессиональные опоры их пути все более и более расходились. Конечно, литература не была подвергнута полному остракизму как источник информации, но все чаще и чаще предьявлялись ей претензии, например, в субъективности авторов, в том, что они дают волю воображению, художественному вымыслу и т.д. Частичная реабилитация этой отрасли гуманитаристики произошла в 1960–70-е годы, на новом витке парадигмальных изменений в системе наук о человеке, которые ярче всего отразила «новая историческая наука». И вписывалась она в общую тенденцию антропологизации истории, имевшую множество ответвлений.

Отчасти это было связано с оценкой роли языка, его исследования для понимания истории. И хотя здесь больше шума наделала «Метаистория» Х. Уайта¹, сошлюсь на мнение А. Дюпрона, кого уже по праву относят к числу классиков гуманитарной науки. Говоря о языке, как феномене, отражающем сознание, Дюпрон отмечал, что «анализ синхронных «состояний» данной эпохи или среды обнаруживает взаимосвязь между различными системами выражения мысли». Контент-анализ языковых форм и их изменений в источниках в существенной степени компенсирует однозначность письменных источников. «Количественный» анализ языка может опираться на выявление устойчивых лексем, сведение их в определенный «corpus», выявление так называемых случайных лексем,

---

¹ White. 1973.

которые в случае их возрастающей повторяемости будут свидетельствовать о трансформациях стоящих за ними ментальных кодов².

К примеру, Н.И. Конрад насчитал в «Повести о доме Тайра» 33 самоубийства, при этом оговорил, что в «Повести» это явление нельзя назвать массовым. Действительно, по сравнению с более поздней самурайской литературой, где счёт самоубийств уже идёт на сотни и тысячи (в «Повести о Великом мире» их более 2,5 тысяч!), «Повесть о доме Тайра» предоставляет сравнительно скромный материал для изучения деталей сэппуку и прочих самоубийств. С другой стороны, противопоставляя цифру в 33 самоубийства отсутствию оных в «Песни о Нибелунгах», мы видим, что для японского средневекового общества времён создания «Повести о доме Тайра» сэппуку является социальной нормой. Более того, наличие данной социальной нормы и составляет саму причину самоубийств: самурай совершает самоубийство тогда, когда он **должен** это сделать, поскольку в ином случае его ожидает пожизненный позор и социальный остракизм через лишение его и всей его семьи социального статуса и имущества. Как видим, можно заключить, что на уровне ценностной ориентации, идеала самоубийство как альтернатива позорному невыполнению воинского долга утверждается уже в начале XIII столетия³. Но в это время, судя по ряду других признаков, это еще лишь внешне усвоенный императив, не интериоризованный на глубоколичностном уровне сознания.

В литературе японского средневековья с каждым следующим (в хронологическом порядке) произведением достаточно чётко прослеживается прогрессия в количестве и качестве (степени ритуализации, соблюдении деталей, выработке норм эстетики) самоубийств. Если в «Повести о доме Тайра» лишь в пяти из них совершают сэппуку, то в «Повести о Великом мире» XIV в. их уже 2640, причём 2159 случаев из них, по данным Н.И. Конрада⁴, это сэппуку. И хотя по-прежнему нет оснований говорить о превращении идеала в лично выбранный императив поведения, которому добровольно подчиняются, фиксация его в качестве часто повторяющейся поведенческой нормы, согласно теории установки Д. Узнадзе⁵, с большой вероятностью может привести именно к усвоению не на уровне необходимости беспрекословного следования социальному «заказу» общества, но на Эго-уровне.

---

² Дюпрон. 1970. С. 4-5.

³ Подробнее см.: Николаева, Серкова. 2012. С. 231–234.

⁴ Конрад. 1974. С. 327.

⁵ Узнадзе. 2001.

Одну из новаций, которыми гуманитаристика в лице психоистории расширила возможности диалога истории и литературы, являет вошедшая сегодня в широкий научный оборот теория идентичности Э. Эриксона. Идентичность конкретного человека несет на себе печать «супер-эго» родителей, становится «проводником традиций и всех вечных ценностей, которые передавались этим путем от поколения к поколению». При этом принятие ценностей ближайшего окружения, группы зависит от возможности общества через это окружение гарантировать относительную безболезненность этого процесса. Последний перестает быть таковым, когда в самом обществе наступает кризис «организованных ценностей» и «институциональных усилий» различных сообществ «сохранить через объединенную организацию максимум свободной от конфликтов энергии во взаимно поддерживаемом равновесии»⁶.

В этом смысле чрезвычайно значимую роль играет заложенное в детстве чувство базисного доверия к миру, формирующееся в зависимости от отношений с родителями, начиная с самых ранних страниц жизненного цикла личности, равно как и состояния общества, к которому она принадлежит. Именно эту методологически важную для биографического анализа исследовательскую стратегию Э.Ю. Соловьев назвал в свое время одной из наиболее перспективных в современном гуманитарном знании⁷. Перспективность ее как исторического инструмента при анализе литературных источников во многом зависит от умелого применения исследователем ее в тандеме с другими комплементарно близкими концептами уже упоминавшейся теории установки школы Д.Н. Узнадзе, социального характера Э. Фромма, габитуса П. Бурдьё, невротической личности К. Хорни и ряда смеховых концепций⁸.

Уже применение теории установки позволило ученику Д. Узнадзе А. Шерозия расшифровать, какими личностно-значимыми смыслами и эмоциями был наполнен социально-психологический эфир знаменитых текстов Ф. Кафки, таких как «В исправительной колонии», «Процесс», «Замок», «Превращение» и др.⁹ Все они пронизаны ощущением абсурда окружающего и страхом перед внешним миром и высшим авторитетом. Аскетизм, неуверенность в себе, самоосуждение и болезненное восприятие окружающего мира – все эти качества писателя хорошо задокументированы в его письмах и дневниках, а особенно в «Письме отцу» –

---

⁶ Эриксон. 1996. С. 210, 234, 235.

⁷ Соловьев. 1981. С. 142.

⁸ Николаева. 2010. С. 45–102.

⁹ Шерозия. 1973.

ценной интроспекции в отношении между отцом и сыном и в детский опыт. В нем Кафка, к примеру, писал: «Ты недавно спросил меня, почему я говорю, что боюсь Тебя. Как обычно, я ничего не смог Тебе ответить, отчасти именно из страха перед Тобой, отчасти потому, что для объяснения этого страха требуется слишком много подробностей, которые трудно было бы привести в разговоре. И если я сейчас пытаюсь ответить Тебе письменно, то ответ все равно будет очень неполным, потому что и теперь, когда я пишу, мне мешает страх перед Тобой и его последствия и потому что количество материала намного превосходит возможности моей памяти и моего рассудка». Или же: «Ты воспитываешь ребенка только в соответствии со своим собственным характером – силой, криком, вспыльчивостью»; «Спустя годы я все еще страдал от мучительного представления, как огромный мужчина, мой отец, высшая инстанция, почти без всякой причины – ночью может подойти ко мне, вытащить из постели и вынести на балкон, – вот, значит, каким ничтожеством я был для него»¹⁰.

Очевидно, что отношения Кафки с его деспотичным отцом являются важной составляющей его творчества. Идентичность Германа Кафки, выходца из чешско-еврейской семьи, оптового продавца галантерейной продукции, принадлежавшего к слою, который Э. Фромм обозначил бы как «средний класс», несла печать всех тех социально-исторических болезней Австро-Венгерской империи конца XIX – начала XX в., которые и обусловили авторитарно-деспотичный и одновременно невротичный характер его негативной идентичности. Историк, пытающийся реконструировать дальнейший ход формирования идентичности его сына, не сможет обойти вопроса природы управления империей, функционирования государственных институтов, в которых царили бюрократизм, бездушие, садистки изощренная требовательность в отношении исполнения обязанностей. Эту атмосферу и впитала в себя страдательно-ранимым образом идентичность одаренного писателя, служившего мелким чиновником в страховом агентстве всю свою короткую жизнь. На пересечении этих двух составляющих жизненных траекторий процесса социализации писателя и сформировалась идентичность Ф. Кафки, сумевшего собственные страхи-ненависть перед отцом, начальником, клиентами и сослуживцами воплотить в типичных образах его произведений, воссоздающих историко-психологическую идентичность его времени.

Формат и задачи статьи позволяют лишь лапидарно обозначить данную реконструкцию. Однако косвенные данные, сопоставимые

---

¹⁰ Кафка Ф. Письмо к отцу [Электронный ресурс].

с закономерностями функционирования психического в самых разных его обличьях, дают материал для ее экспертной оценки. Хорошо известно, что кризисы идентичности личности сопровождаются расстройствами психосоматического характера. И в этом смысле «послужной список» его болезней (он часто страдал от мигреней, бессонницы, запоров, импотенции, нарывов и других заболеваний, а умер в 1924 г. от туберкулеза), а точнее их характера, за исключением последней четко коррелируется с психосоматикой частных состояний невроза. Можно было бы усомниться в данной закономерности, по крайней мере, в ее действии в случае Кафки, однако его интимно-личная жизнь также является маркером достоверности реконструированного образа идентичности. Множество романов Кафки не только не закончились хоть одним сколько-нибудь прочным союзом, но, напротив, носили болезненный характер, а, как известно, в гендерной идентичности личности отражаются все особенности общей структуры идентичности личности¹¹.

Таким образом, при профессионально адекватном выборе исследовательской стратегии литературный источник может рассказать о многом, и главным образом, о том духовно-психологическом эфире, которым дышит то или иное общество или цивилизация, иными словами, о социальной психологии и культурных идеалах, без которых невозможно представить живое лицо истории. Ю.П. Малинин заметил: «Психология... сопричастна всем формам жизни и их эволюции. Поэтому исторический синтез, то есть синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в наиболее **концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации** (выделено мной – И.Н.)¹².

При соблюдении тех же методологических презумпций литературный источник может дать эксклюзивную информацию о некоторых базовых ментальных кодах общества, равно как и их историко-культурного различия. Приведем конкретные примеры возможности такого рода реконструкции. Речь пойдет об идеале избыточного мужества, свойственного сознанию многих традиционных обществ, в том числе и средневековому. Обратимся для начала к западноевропейскому. Знаменитые два текста дают возможность проанализировать генезис этих идеалов-образов. Здесь собственно историк, вооруженный знанием других дисциплин, полагаясь на литературные источники, может сказать свое слово.

---

¹¹ Подробнее об этом см.: Соколова, Бурлакова, Лэонтиу. 2001. С. 3–16.

¹² Малинин. 2000. С. 4–5.

Любой ценой рыцарь должен был доказать свою силу и мужество, даже ценой жизни. В «Песни о Роланде» ее главный персонаж в критический момент отказывается протрубить в рог, чтобы позвать помощь (как советует Роланду его друг Оливье), для него важнее утвердить личную доблесть, доказать свою безоговорочную готовность сражаться до последней капли крови¹³. Причем постыдно прибегнуть к чьему-либо содействию. Чем сильнее и доблестней противник, тем больше собственная слава.

Этот комплекс установок, лежащий в основе рыцарского идеала, имел под собой «варварскую» составляющую – самоутверждение силы, закреплявшейся в качестве ценностного императива поведения, так как социум мог оградить себя от врагов лишь при наличии того профессионального слоя воинов, готовых, по крайней мере, в идеале, пожертвовать всем, даже жизнью, ради его благополучия. Данный идеал некоего избыточного мужества, доблести, героизма транслировался во многих других поведенческих императивах рыцарского поведения. Зазорно было сражаться со слабым или плохо вооруженным противником. И, напротив, особую честь можно было стяжать, выбирая заведомо сильного противника. Отсюда многочисленные обычаи рыцарского сословия – обычай обязательности равенства вооружения, равенства вспомогательных сил во время поединка. Во время второго крестового похода Саладин, слышавший доблестным рыцарем, несмотря на принадлежность к врагам христианского мира, узнав, что под Ричардом Львиное Сердце пал конь, послал ему двух отменных скакунов.

В «Песни о Нибелунгах» Зигфрид во время состязания в беге с Гунтером и Хагеном дает им фору: «За вами гнаться сзади / Я собираюсь в полном охотничьем наряде, / На руку щит повесив, с колчаном за спиной». В то время как бургундцы сняли одежду вплоть до сорочки, нидерландец, бежавший при полном вооружении, добрался до цели первым, продемонстрировав особую доблесть. В этом же месте текста другой герой – прославленный Дитрих Бернский, ранив в поединке врага, не менее доблестного Хагена, говорит про себя: «Тебя, – подумал бернец, – усталость доконала. / С тобой покончить просто, да чести в этом мало. / Хочу, чтоб достался ты, Хаген, мне живой, / И ради этого рискну, пожалуй, голвой. / Отбросив щит, он вормса руками обхватил»¹⁴.

Идеалы рыцарской героики, замешанные на необходимости постоянного подтверждения рыцарем собственной силы и мужества, имели

---

¹³ Песнь о Роланде... 1976.

¹⁴ Песнь о Нибелунгах. [Электронный ресурс].

смысловую параллель с традициями того, что именуется *рыцарской авантюрой*. В «Песни о Нибелунгах» основные герои этой рыцарской эпопеи постоянно находятся в поисках воинского самоутверждения – Зигфрид, отправляется на войну против короля саксов, затем вместе с Гунтером в Исландию, где живет воительница и красавица Брюнхильда, победа над которой сулит славу и престижный брак для бургундского короля. Рыцарь постоянно должен следить за своим положением в обществе, это требовало от него все новых и новых побед, доказательств того, что он имеет право принадлежать к этому сословию¹⁵. В романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида» влюбленный Эрек, разомлев от любовных утех на супружеском ложе, забывает о своем предназначении. Изменившееся отношение к Эреку окружающих заставляет Эниду напомнить мужу: «Теперь судачить всякий рад, / Простой и знатный, стар и млад, / Что будто ты не так уж смел / Изнежился и оробел»¹⁶. И Эрек собирается в дорогу, совершая многочисленные подвиги в поисках славных дел, которые должны были вернуть ему честное имя.

Подобного рода демонстраций избыточного мужества мы можем найти и во многих других литературных традициях. Достаточно вспомнить поведение главных персонажей из «Одиссеи», «Слова о полку Игореве» или многочисленные примеры из индийской литературы¹⁷, либо же японской¹⁸, чтобы убедиться в смысловой идентичности данного идеала. Эта ценность-идеал находит подтверждение и в поговорках. Вспомним знаменитое «Иду на вы» Святослава, или же франкский аналог, когда противнику предлагали «выбрать поле».

Не продолжая этот бесчисленный ряд литературных примеров, попытаемся объяснить их в полидисциплинарном режиме уже упоминавшейся технологии, имеющей фокусом бессознательное. В условиях отсутствия сильной государственности (в силу ряда факторов более выраженной в средневековой Западной Европе), в обстоятельствах примитивных обществ со скудными ресурсами, социум неосознанно, путем многочисленных проб и ошибок (иными словами, опыта) вырабатывал систему ценностей/идеалов, согласно которым каждый мужчина племени должен был пожертвовать всем ради своего сообщества.

Но это далеко не исчерпывающие природу названных идеалов условия. Нельзя забывать об архаическо-витальном субстрате ментально-

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кретьен де Труа. Эрек и Энида. 1980.

¹⁷ Ванина. 2007.

¹⁸ Кинг, Уинстон. 2002. С. 89–320.

сти личности. На обыденном языке науки в человеке скрывается зверь, что проявляется во время боевой схватки. Любопытно, что пантеон богов уловил и отразил это представление. «Деяния данов» Сакса Грамматика и «Эдда» Снорри Стурлусона сходятся на том, что боги обладают магическим даром превращаться в животных. Характер древнегерманских божеств также несет в себе черты неукротимости. Корень названия Вотан (Один) тот же, что и у слова *wut*, которое означает “неистовство, исступление, одержимость”. Адам Бременский подчеркивал: «Вотан, сиречь бешенство»¹⁹.

Если же этот обыденный дискурс перевести в научный, то вырисуется некая общая историко-психологическая модель названных ценностей. Начнем с того, что подчеркнем неразделимость природно-витального и психоэмоционального начал в конституировании воинственности на уровне единой нефиксированной установки личности²⁰. Этот трюизм может высветиться в несколько необычном свете при введении в расшифровку отмеченной связи параметра власти. Ее «живое лицо», а не просто некий институциональный абрис афористично определил Ролан Барт: «...имя мне – легион – могла бы сказать власть... Власть гнездится везде, даже в недрах того самого прорыва к свободе, который жаждет ее искоренения»²¹. Э. Фромм более точно формулирует ее социально-психологическую основу: «Власть – это не качество, которое человек “имеет”, как имеет какую-либо собственность или физическое качество. Власть является результатом межличностных взаимоотношений, при которых один человек смотрит на другого как на высшего». При этом Фромм разводит понятие рационального авторитета и власти, которая не поддается адекватной рационализации субъектами отношений²².

Иными словами, законы бессознательного с его архаическими архетипами детерминировали ценностный ряд сознания их членов, к какому бы культурно-историческому ландшафту они не принадлежали. Другое дело, что природно-географические, политические, культурно-исторические реалии примитивных обществ, при всей общности неких базовых архетипов-идеалов, наряду с множеством других факторов обуславливали специфику транслируемой литературными источниками психологического интонирования этой ценности в разных социумах. Известно, например, что сами условия бытования западноевропейской

---

¹⁹ Кардини. 1987. С. 79.

²⁰ Николаева. 2002. С. 233; 2006. С. 92–98.

²¹ Барт. 1989. С. 547.

²² Фромм. 1990. С. 142.

раннесредневековой цивилизации обуславливали то обстоятельство, что идеал избыточного мужества был артикулирован в соответствующих литературных источниках с предельно выраженной силой демонстрации личной воли и отваги, что коррелировало с присущим этой цивилизации выраженным наращиванием индивидуализма²³.

Литература как важнейший источник для работы историка чрезвычайно важна в плане интонирования языка, смеха, других эмоций. Но этот ресурс ее как исторического источника может быть результативно использован при опять-таки определенных методологических условиях. Скажем, даже прикладывая в качестве аналитического инструментария многочисленные концепции смеха, историк не будет гарантирован от получения неверного результата. Автору данного текста уже неоднократно приходилось писать об этом²⁴. Использование технологии, сконструированной из комплементарных концептов, имеющей фокусом бессознательное и работающей в челночном режиме корреляции результатов макро- и микроуровня исследования, при условии верно выбранной макроисторической теории дает возможность снять противоречия, существующие между различными концепциями смеха, и наладить их работу в диалогическом регистре. Отошлем читателя к подобного рода анализу такого *серийного* литературного источника как испанский плутовской роман²⁵. Его исследование с помощью означенной технологии позволило через интонирование смеха выявить параллелизм деформации основных ценностных ориентиров испанского общества, касающихся труда, богатства, чести не только у люмпенизированных слоев общества (пикаро), но и в сознании широких слоев бюргерства. Тот широкий отклик, который нашел этот литературный жанр в среде последних, позволил сделать вывод о наличии бессознательных идентификаций этого слоя с героями пикаресного мира. Более того, используя знание закономерности того, что лишь реализуемые установки (они же ценностные ориентации) способны порождать необходимую энергию, удалось понять причины той пробуксовки модернизационных процессов, которые к концу XVI столетия набирали обороты в странах лидерах европейской мир-системы, как, впрочем, и многих других явлений²⁶.

Подытоживая, еще раз оговоримся: столь сложная и многоаспектная проблема как тандем истории и литературы в современной ситуации

---

²³ Гуревич. 2005; Николаева. 2004.

²⁴ См., напр. : Николаева. 2010. С. 80–102.

²⁵ Плуттовской роман. 1989.

²⁶ Николаева. 2010. С. 308–358.

методологического реформирования многих презумпций гуманитарного знания требует более серьезного и обстоятельного разговора о перспективах науки и препомах на этом пути. Данным же текстом автор статьи всего лишь обозначил возможные линии обсуждения этой проблемы, тем самым приглашая желающих подключиться к нему.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бессмертный Ю.Л.* Другое Средневековье, другая история средневекового рыцарства // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Кн. 1. М.: Наука, 2003. С. 72–99.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Ванина Е.Ю.* Средневековое мышление: индийский вариант. М.: Восточная литература, 2007. 375 с.
- Гуревич А.Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. 424 с.
- Дюпрон А.* Язык и история. Доклад // Материалы XIII Международного конгресса исторических наук. Москва, 16-23 августа 1970 г. 85 с.
- Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 384 с.
- Кафка Ф.* Письмо к отцу [Электронный ресурс]. <http://www.kafka.ru/dnevnik/read/pismo-otsu>.
- Кинг, Уинстон Л.* Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая. СПб.: Евразия, 2002. 320 с.
- Конрад Н.И.* Японская литература от «Кодзики» до Токутоми. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 568 с.
- Кретъен де Труа.* Эрек и Энида. Клижес. (Серия: Литературные памятники). М.: Наука, 1980. 512 с.
- Малинин Ю.П.* Общественно-политическая жизнь позднесредневековой Франции XIV–XV века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. 237 с.
- Николаева И.Ю.* Французская гендерная идентичность в историко-культурном интерьере: истоки и особенности // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2002. № 4. С. 223–254.
- Николаева И.Ю.* Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования бессознательного // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки (История. Этнология). 2006. Вып. I (№ 52). С. 92–98.
- Николаева И.Ю.* Культурные коды западноевропейского средневековья в историческом интерьере их бытования // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. Краеведение. Этнология. Археология. № 281. 2004. С. 76–90.
- Николаева И.Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 410 с.
- Николаева И.Ю., Серкова О.А.* Подчинение авторитету и социальной норме в средневековых военных сословиях Японии и Германии // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 227–240.
- Песнь о Нибелунгах [Электронный ресурс]/ пер. со средневерхненемецкого и прим. Ю.Б. Корнеева: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/pnibelun/home.htm>.
- Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М.: Библиотека всемирной литературы. 1976. 656 с.
- Плутовской роман: Пер. и вступ. ст. Н.Томашевского. М.: Правда, 1989. 672 с.

- Повесть о доме Тайра: Эпос (XIII в.); пер., предисл. и коммент. И. Львовой; стихи в пер. А. Долина. М.: Художественная литература. 1982. 703 с.
- Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3–16.
- Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. 1981. № 9.
- Узнадзе Д.Н. Психология установки. Москва; Харьков; Минск; СПб., 2001. 448 с.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
- Шерозия А.Е. К проблеме сознания и бессознательного психического. Т. 2: Опыт интерпретации и изложения общей теории. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 522 с.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: «Прогресс», 1996. 344 с.
- White H. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore; L.: 1973. 448 p.

Николаева Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; percka@mail.ru.